

Фу Яньцин в последние дни продолжала ходить в Академию Хунвэнь вместе с Чжао Моцзянь, но, посмотрев на присутствующих, она не увидела Чжао Цзыянь. Во дворце, после нескольких дней обсуждений, постепенно потеряли интерес к этой внезапно появившейся Девятой принцессе.

Фу Яньцин думала, что даже если Чжао Цзыянь не получит настоящего внимания от императора Цзина, то раз уж он признал её личность в тот день, он должен был предоставить ей хотя бы основные привилегии. Почему до сих пор ничего не произошло? Может, она серьезно ранена и не может прийти на занятия?

Хотя Фу Яньцин в тот день испытывала сложные чувства, она понимала, что ребенок, который всегда к ней привязывался, решил сам искать путь к выживанию, что вызывало у неё сожаление. Но она также знала, что Чжао Цзыянь не виновата, и та действительно хорошо к ней относилась. Эти дни, проведенные вместе, не могли быть забыты, пять лет — достаточно, чтобы запомнить.

Ночью Фу Яньцин дождалась, пока все в Дворе Облачной Дымки уснут, и тихо выпрыгнула из окна.

Двор Облачной Дымки, хотя и находился в отдалении, все же был частью императорского дворца, и стража здесь была не из простых. К счастью, Чжао Цзыянь ранее разведала путь, а Фу Яньцин была искусна в скрытности, так что она смогла выбраться из дворца без происшествий.

Дворец Чунхуа среди множества дворцовых построек считался одним из самых изысканных. Он всегда был резиденцией самых любимых принцев и принцесс. Окружающий пейзаж не уступал Императорскому саду, но император Цзин никогда не дарил его своим детям, так что он практически пустовал. Даже теперь, когда Чжао Цзыянь поселилась здесь, он был холодным и безлюдным. Такой прекрасный дворец оказался даже хуже Двора Облачной Дымки.

Фу Яньцин долго наблюдала из укрытия. Внешний двор был пуст, даже фонари не горели. Огромный дворец выглядел безжизненным, как Холодный дворец, вызывая чувство подавленности и мрачности.

Хотя казалось, что войти будет легко, Фу Яньцин была осторожна. Проникнув в главный зал, она увидела двух евнухов, стоящих у двери, уже завернувшихся в одеяла и крепко спящих.

Фу Яньцин подошла к окну и, глядя на матовое стекло, невольно улыбнулась. Раньше Чжао Цзыянь всегда лазила к ней в окно, теперь же настала её очередь.

Попытавшись открыть окно, она обнаружила, что оно плотно закрыто. Немного подумав, она все же аккуратно потрогала раму, издавая едва слышный звук.

Прошло некоторое время, но внутри не было никакого движения. Фу Яньцин нахмурилась, чувствуя, что поступила слишком импульсивно. Прийти сюда, чтобы увидеть её, оказалось сложнее, чем она думала. В этот момент окно внезапно открылось, и в темноте она увидела Чжао Цзыянь, одетую в белую ночную рубашку, которая пристально смотрела на неё. Её глаза сияли, словно звезды, и даже глубокая ночь не могла скрыть их блеск. Казалось, она долго ждала и, наконец, увидела то, чего так жаждала.

Такой горячий взгляд заставил Фу Яньцин замереть. Она смотрела на неё, чувствуя, как её сердце слегка сжалось, не сильно, но с легкой болью. Ребенку уже почти двенадцать, она начала расти, становясь все более изящной и живой.

Чжао Цзыянь дрожащими губами произнесла тихим, немного скрипучим голосом:

— Ты... ты пришла навестить меня?

Фу Яньцин, видя её волнение, приложила палец к губам, призывая к тишине, а затем прыгнула в комнату.

Приблизившись к Чжао Цзыянь, Фу Яньцин сразу нахмурилась. От неё больше не пахло свежестью, как раньше, а чувствовался запах крови и лекарств, довольно сильный.

— Прошло уже несколько дней, а ты все еще не вылечилась?

Чжао Цзыянь слегка отступила:

— Нет, я почти выздоровела, просто еще не полностью.

Фу Яньцин, конечно, не поверила. Достав из кармана светящуюся жемчужину, она увидела бледное лицо Чжао Цзыянь, и её сердце сжалось:

— Что с тобой?

При свете жемчужины она заметила, что ночная рубашка Чжао Цзыянь была не просто белой — на ней проступали кровавые следы, выглядевшие довольно устрашающе.

Чжао Цзыянь сжала губы, но ничего не сказала.

Фу Яньцин подняла её рубашку и, увидев тело Чжао Цзыянь, почувствовала, как её глаза наполнились холодом. На худеньком теле ребенка были следы от ударов плетью, глубокие и мелкие, пересекающиеся, некоторые раны все еще кровоточили.

Её рука дрожала, и она сквозь зубы произнесла:

— Это драгоценная наложница Сяо?

Чжао Цзыянь, увидев её реакцию, кивнула, а затем улыбнулась, её глаза сияли, что на фоне бледного лица выглядело особенно трогательно.

— Ты что, смеешься? Ума лишилась?

Чжао Цзыянь все еще радовалась:

— Нет, просто я думала, что ты злишься и больше не будешь со мной общаться.

Хотя они провели вместе не так много времени, она понимала, что Фу Яньцин ненавидит жизнь во дворце и презирает тех, кто строит козни и плетет интриги. Драгоценная наложница Сяо и Чжао Моцзянь были такими, и она сама вынуждена была быть такой. Поэтому Фу Яньцин приняла её, во многом потому, что она почти не участвовала в этом, а больше была жертвой. Но в тот день её поведение показало, что она тоже стала похожей на Чжао Моцзянь.

Фу Яньцин удивилась, а затем спокойно сказала:

— Почему я должна злиться? Ты не сделала ничего плохого. Просто ты была слишком импульсивна. Внезапно выступив вперед, ты не обязательно привлечешь внимание императора, а только разозлишь его...

— Нет.

Чжао Цзыянь внезапно прервала её, нахмурившись, её лицо покраснело, и она выглядела обиженной.

— Что? — удивилась Фу Яньцин.

Чжао Цзыянь стиснула зубы:

— Я выступила вперед не потому, что все заранее продумала. Ты оттолкнула того человека, и я испугалась, что ты пострадаешь.

Она замолчала, а затем посмотрела на Фу Яньцин:

— Я не знала, что делать. Он никогда не видел меня и не обращал на меня внимания. Может быть... может быть, спася его, у меня появится шанс. Но... даже если бы этого не произошло, я бы все равно привлекла его внимание. Я не хочу всегда быть заменой Чжао Моцзянь, не хочу, чтобы драгоценная наложница Сяо и другие издевались надо мной.

Она всхлипнула:

— Если я стану такой же, как старший брат, смогу открыто пользоваться правами принцессы, я смогу защитить тех, кого хочу. Ты... ты не любишь такую жизнь, я знаю. Если я стану сильнее, смогу стать настоящей принцессой, тебе не придется следовать за ней, улыбаться ей и называть её Ацзянь.

Фу Яньцин не знала, как реагировать. Она смотрела на стоящую перед ней Чжао Цзыянь. Эта девочка была ниже неё на полголовы, ей всего лишь чуть больше десяти лет. Она догадывалась, что она умна и развита не по годам, но не ожидала, что в сердце такого ребенка может быть такая горячая искра.

Она думала, что Чжао Цзыянь просто нашла утешение в своей боли, поэтому так привязалась к ней и старалась сохранить их отношения. Но она не ожидала, что Чжао Цзыянь уже так сильно к ней привязалась. Она думала, что та просто хочет получить статус Девятой принцессы, но оказалось, что причина — она сама.

Но действительно ли Чжао Цзыянь такая? Та холодная, жесткая и мрачная Девятая принцесса, которая могла бы быть такой же, как Чжао Моцзянь? Если она настолько умна и все это время была рядом с драгоценной наложницей Сяо, она должна была знать, почему Чжао Моцзянь хочет связаться с Резиденцией Юго-Западного князя. Неужели она не станет такой же, как Чжао Моцзянь?

Её взгляд упал на серьезное лицо Чжао Цзыянь, и она почувствовала вину за свои мысли. Чжао Моцзянь стала такой во многом из-за планов драгоценной наложницы Сяо. Чжао Цзыянь, двенадцатилетняя девочка, оставшаяся без поддержки, вряд ли могла думать так далеко. Кроме того, она вспомнила, как в тот день Чжао Цзыянь выбежала вперед, действительно защищая её.

— Прости.

Фу Яньцин вдруг почувствовала грусть. Когда она стала такой, не верящей, ранящей себя и других?

Чжао Цзыянь испугалась:

— Тебе не нужно извиняться, это я виновата.

Она немного замялась:

— Тогда... мы сможем быть такими же, как раньше?

Фу Яньцин смягчила взгляд и улыбнулась:

— Конечно.

Чжао Цзыянь, увидев её редкую улыбку, обрадовалась еще больше:

— Ты так красиво улыбаешься.

Фу Яньцин невольно рассмеялась, не ожидая, что её будет хвалить ребенок.

— Раны сильно болят?

Чжао Цзыянь покачала головой:

— Я наложила мазь, все нормально.

<http://bllate.org/book/16696/1533207>